

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От автора</i>	7
1. Изжога	13
2. Коминтерновская мандавошка	28
3. Рождественский подарок	57
4. Заголившийся Руссо	77
5. Натуральный обмен	89
6. Белый ключ	140
7. Тоска по родине	159
8. Дева и монстр	197
9. Нож за голенищем	228
10. Суд	260
<i>Глазами автора</i>	297

От автора

Роман «Руссофобка и фунгофил» был впервые издан на русском языке в Лондоне в 1986 году, благодаря инициативе друзей, под шапкой издательства «Русская рулетка». Это была наша домашняя антреприза в складчину — с Игорем Померанцевым, Александром Моисеевичем Пятигорским, Севой Новгородцевым и Машей Слоним. Собственно, Маша Слоним и была движущей силой и единственным реальным работником издательства — она, с опытом работы в американском «Ардисе», единолично делала набор и верстку. Это был самиздат в тамиздате — первое русское издательство в Лондоне со времен Герцена. Тираж моего романа — третьей книги нашего издательства — печатался в типографии парижского «Синтаксиса», у диссидентов третьей волны — Марии Розановой и Андрея Синявского. Пять лет спустя появилось и московское издание романа — очень плохая ксерокопия лондонского набора со всеми опечатками, на очень плохой бумаге. Это была пиратская публикация неким издательством РУССЛИТ тиражом — по слухам — в 100 тысяч экземпляров. Мне сообщили, что весь тираж был тут же распродан (я не получил

ни копейки) и книга исчезла в перестроечном хаосе. Рецензенты трех волн эмиграции и московские критики не слишком вникали в разницу между героиней-руссофобкой с ее неприятием Ж.-Ж. Руссо и русофобией, которую они приписали моему юродствующему герою-фунгофилу и, заодно, автору.

Трудно было проигнорировать появление на русском языке фарса о ядерной войне, пацифизме и тоталитаризме, о троцкистах и вегетарианцах, изгнанниках и диссидентах — эти темы были тогда у всех на языке, а роман был еще и гротескной комедией любви англичанки и русского. Это был, пожалуй, мой единственный, коммерчески по-настоящему успешный роман.

За перевод тут же взялся Майкл Гленни, легендарный переводчик «Мастера и Маргариты». Любопытно, что Майкл Гленни, как и все лучшие переводчики эпохи холодной войны, учил русский в армии, где проходил службу в военной разведке. Роман был издан в его переводе крупными издательствами Лондона и Нью-Йорка, рецензии были ошеломительными, и почти сразу начались разговоры об экранизации романа британским телевидением. Опять же, вписываясь в дух эпохи, сценарий был заказан Лиан Окин. Драматург, сценарист и радиорежиссер Лиан Окин (Liane Aukin) была к тому времени одной из главных активисток женского пацифистского движения, с их многотысячными протестами против размещения американских ядерных ракет на территории Великобритании. К тому моменту мы стали близкими друзьями: ее воинствующий пацифизм прекрасно уживался с иронией и сатирическим отношением к массовым obsessions, которыми я, собственно, и был озабочен. Выяснилось, что в этом мире можно сохранять близкие отношения, несмотря на полярно противоположные политические воззрения.

Этот фильм был показан по телевидению Би-би-си в 1993 году. О съемках этого фильма в трех частях

с миллионным бюджетом надо было бы написать отдельный трактат. Сцены ужаса и унижения Клио в Москве брежневской эпохи очередей и дефицита, продуктовых распределителей и кухонных дразг были засняты как фарс с готической подсветкой. Эти сцены казались мне неестественно гротескными. Но тридцать лет спустя этот гиньоль и готика воспринимаются как достоверный документ о восприятии брежневской Москвы глазами иностранки — как притча о духе того времени. В ходе съемок фильма меня поразили один любопытный аспект работы в кино. Для сцены в лесу, где мой герой ищет на рассвете грибы, отдел бутафории и реквизита произвел на свет весь грибной набор — подберезовики, подосиновики, белые и, конечно же, мухоморы, — с прожилками, бахромой, с корявыми ножками и бугорчатыми шляпками такими натуральными, что опытный глаз не отличил бы их на расстоянии от настоящих. После премьеры фильма мне подарили целую корзину этих бутафорских грибов — они даже на ощупь напоминали по фактуре настоящие. Я присутствовал на съемках этих сцен и убедился, что лес был дикий, с полянами, на месте бывшей военной базы, и могу вас уверить, что на каждой полянке, под осинами, дубами и орешником росли кучи настоящих грибов, включая белые. Однако зритель, объяснили мне, настоящий гриб не увидит, зрительский глаз в природу не верит, он верит в образ гриба, то есть — в мастерство кинематографа.

Но и этой искусственности оказалось недостаточно. Натуральный объект не воспринимается глазом кинокамеры естественно — без косметики, без макияжа. Чтобы предмет на экране выглядел естественно, нужна искусственная подсветка. Лишь неестественное выглядит в определенном ракурсе как натуральное. Бутафоры привезли для съемок целую тележку фантастически подлинной имитации грибов из синтетики. Выглядели они под каждым кустом совершенно

достоверно (слепки с настоящих), но, опять же, по съёмочным соображениям, для подсветки, их пришлось обмазать каким-то лаком, и они стали блестеть так, как могут сиять, как мы знаем, лишь только истинные поганки. Правда в искусстве, вопреки убеждениям Жан-Жака Руссо, достигается порой лишь через лакировку действительности.

Зиновий Зиник. Лондон, 2025

Она: Что за мысли, в самом деле!

Точно гриб поганый съели.

Он: Дело в нем, в грибе поганом:

В животе чекист с наганом.

Вместе: Ну-ка вывернем нутро

На состав Политбюро!

И. Бродский. Лесная идиллия

1. ИЗЖОГА

Брак с иностранкой и, соответственно, эмиграция в басурманские земли не проходят безнаказанно: его мутило и выворачивало наизнанку от изжоги. Поступки, которые варганил ненасытный рассудок, отвергались привередливым желудком. Желчь поднималась по пищеводу, напалмом сжигая все на своем пути, и едкая гарь пожарища в груди темнила очи. Все кругом показалось ему омерзительным: английская лужайка, выстриженная по-военному, ежиком; английская садовая мебель — эти пыточные по своему неудобству железные стулья и шатающийся столик, выкрашенные по-больничному белой краской; и панически выглядывающее из-за туч английское солнце, явно страдающее манией преследования; и, наконец, английские лица, белые и безглазые, как огромные поганки на зеленой до оскомины могильной траве, — их приятно сковырнуть походя носком резинового сапога или сшибить прутом орешника.

Костя ргнул, не потрудившись прикрыть рот ладошкой. И тут же перехватил осуждающий взгляд жены и хозяйки дома, Нуклии. То есть звали ее Клио, но в его раздраженном мозгу она проходила под кличкой Нуклия, поскольку вот уже который год с ее языка не сходила «нуклия бомб», то есть ядерная бомба.

Нуклия была воинствующей пацифисткой. Но сейчас готова была прикончить своего русского мужа, стереть с лица земли ядерным взрывом третьей мировой войны, если бы только можно было ограничить конфликт территорией, оккупированной кишками ее рыгающего супруга. Вместе с этим ядерным ударом по супругу исчез бы, однако, с лица земли и плод ее многолетних усилий мирного времени — четырехкомнатный домик за спиной, четырехметровый задний

дворик, на лужайке которого они и сидели. Конечно, дом был не ахти каких размеров, и, когда Костя отправлялся в туалет на втором этаже (Клио безуспешно настаивала на том, чтобы он называл уборную «туалетом», а не этим омерзительным псевдофранцузским словом «сортир»), дверь в гостиную внизу приходилось плотно прикрывать: он издавал чудовищные звуки во время естественных отправок, как будто в животе у него происходил ядерный взрыв. Да что тут говорить о продолжительных сессиях в местах уединенных размышлений, когда по ночам на супружеском ложе она просыпалась от бурчания у него в желудке. И неудивительно. Эти тонны освежеванной баранины, говядины и свинины, эти итальянские, закрученные в бычьи кишки колбасы и всякие салями, эти почки и вымя, и гусиные шейки и куриные пупки — перед глазами Клио вставали апокалиптические караваны обезглавленных коров, баранов со вспоротыми животами, птиц со свернутыми шеями, все они блеяли, мычали и ревели, и все эти звуки сливались в единое бурчание Костиного желудка. Костя же сидел с руками, вымазанными в крови, и рыгал.

«Выпей бикарбонат кальция», — сказала она по-английски, но Константин сделал вид, что не слышит. Или не понял: его скромные познания в английском проваливались бесследно куда-то в прямую кишку, когда она ему говорила что-то неудобоваримое для его интеллекта. Неудивительно, что Константин стал ужасно груб и непредсказуем. Главное, непредсказуем: он проигнорировал ее совет насчет бикарбоната кальция, и Клио пыталась угадать, какую выходку он предпримет, чтобы ублажить свой желудок в духе своих варварских наклонностей. В свое время он ведь настаивал, что во время крупных обедов надо следовать заветам французов и древних римлян, а именно: блевать после каждого третьего блюда для облегчения желудка и, следовательно, души, поскольку тело и душа

едины. Слава богу, на этот раз меню торжественного обеда, в честь первого визита Марги и Антони в новый дом, не превышало стандартных четырех блюд.

В качестве «стартера», то есть закусок, Клио подавала вареный артишок с чесночным майонезом. Но Костя заявил, что вареных овощей терпеть не может, забыв о своем московском пристрастии к вычитыванию французских кулинарных рецептов у Марселя Пруста, нафаршированного артишоками на каждой странице. Зато Константин уплел самолично чуть ли не всю майонезную подливку, макая в нее хлеб. Хлеб пришлось подавать из-за него в гигантских количествах, так что практически не хватило на сыры в конце обеда — а за этими французскими батонами ей пришлось тащиться после работы в специальную булочную в Ковент-Гардене, не говоря уже о тройной цене экспортных батонов. Константин же пожирал эту хрустящую экзотику, как будто это был обыкновенный английский хлеб в пластмассовом пакете из супермаркета. Он вообще ел хлеб не переставая, ничего не мог есть без хлеба — не выпускал ломоть из рук, как будто у него этот кусок кто-то собирается отнять, и в результате одна рука у него всегда была занята, как раз та рука, которая предназначена для того, чтобы держать нож во время еды. Может быть, поэтому Константин не пользовался во время еды ножом. В результате ему приходилось отрывать зубами пищу прямо с вилки, и, чтобы не уронить поддетый на вилку кусок, он склонялся над тарелкой как будто в приступе рвоты.

Клио отворачивалась весь обед. И главное — есть же у него обоюдоострый нож, она точно знает, он держит нож для своих особых целей, ей пока неизвестных, явно не для еды. Клио передернула плечами. Неумеренное потребление хлеба она еще как-то может оправдать наследием российского прошлого Константина, многовековым голодом и мором. Но он отказался и от главного

блюда, овощного рагу с морковкой, обваренной в кипятке цветной капустой и вареными помидорами. Сказал: «В Англии вроде нет на данный момент эпидемии холеры, чего помидоры в кипятке вымачивать?» Тогда почему, спрашивается, он игнорировал приправу из сырого сельдерея, грецких орехов и моченого ячменя? И так весь обед. Причем знает же, с какой тщательностью она вымачивала ячмень, учитывая придирчивость в этих вопросах Марги и Антони.

«Все мы немножко лошади», — сострила по-русски по поводу ячменя Марга, блистая цитатами из русской поэзии. «Откуда это?» — лихорадочно вспоминала цитату Клио — из Ахматовой или Пастернака? Может быть, из Мандельштама? Состроив понимающую гримасу, Клио воспользовалась темой и повернула разговор на человеческое отношение к лошадям в связи со взрывом бомбы у королевского дворца, укокошившей, кроме лейб-гвардейцев, нескольких лошадей.

Клио сказала, что, при всей ее любви к животным и ненависти к монархии и лейб-гвардейцам, она поражена дегуманизацией англичан. Газеты писали, что пожертвования на лечение раненых лошадей превысили пожертвования на лечение раненых гвардейцев, а какой-то богатый аристократ даже заказал похоронную карету и могильный памятник для одной из убитых кобыл. На что Антони сказал, что, при всем его презрении к лошадиному эксцентризму аристократии, он полагает, что, в отличие от людей, лошади в данном инциденте — невинно пострадавшие; лейб-гвардейцы насильственно использовали их в милитаристских и реакционно-монархических целях, и, в то время как о лейб-гвардейцах все равно позаботится правительство, лошади, как никогда, нуждаются в благотворительности. Но Марга сказала, что Антони лучше бы помолчал о своем гуманизме по отношению к животным — мало ему того, что он довел до сумасшествия их кота с русским прозвищем Иван? Антони навесил

на Ивана колокольчики, чтобы колокольчики своим звоном распугивали птичек и мышат — во имя гуманизма по отношению ко всему живому. Но, между прочим, когда эти самые мышки стали шастать по кухне у них в доме, Антони ничтоже сумняшеся купил мышьяк в аптеке и разом этих мышат перетравил. Это называется гуманизмом. А то, что из-за этого гуманизма и звенящих над ухом колокольчиков у кота Ивана начались истерики и галлюцинации и его пришлось в конце концов усыпить и отдать на мыло, — на это Антони было начхать. Лишь бы его кот не съел мышку или птичку, чтобы не употребил в пищу мясо себе подобных. Короче, ему важно было, чтобы его кот остался бы, как он сам, вегетарианцем. Уклоняясь от назревающего семейного скандала, благоразумный Антони повернулся к Константину, напрягая свои познания в русском языке:

«Буржуазная демократия эвентуально сделала мясо легким для покупки между миллионами масс. В доиндустриальные периоды мясо было аксесивно только между аристократами. В презентной же ситуации мясо, которое дешево для миллионов, сделало агрессивность массовой из-за переупотребления мяса и ведет к войнам популярного геноцида, и больше нет турниров только лишь для рыцарей из аристократии. — Антони перевел дыхание и добавил с жаром: — Но кто бенефитствует с этого? Индустриальная аристократия, как будет иначе? И в этом изнутри-наружу эссенция буржуазной демократии. Поставить вопрос, пожалуйста: аксесивно ли в России мясо для популяции?» И Антони с задором спорщика зорко посмотрел на Костю. Тот даже не понял, что к нему обращаются с вопросом.

«Антони спрашивает: доступно ли мясо российским массам?» — не выдержала Клио идиотического молчания Константина.

«Российским массам все доступно», — соизволил наконец ответить Костя. И еще раз рыгнул.

«Но, позвольте, как же? — оживился Антони, переходя на английский. — Нам прекрасно известно, что в России перебои с мясом. И Клио подтвердит. Просто нечего жрать. Я, конечно, сочувствую трудовым массам, но с чем-то надо мириться, в конце концов! Или разгул милитаризма, как здесь у нас, на Западе, или перебои с продуктами, как в России. Зато в России в результате население не развращено мясом и, следовательно, не агрессивно, кровь не играет милитаристскими инстинктами. Я предпочитаю пустой либерализм желудка фашистскому обжорству мозгов. Отсутствие мяса в магазинах — гарантия искренних намерений советского правительства в переговорах по ядерному разоружению. И этого не могут понять западные правительства, которые в своей слепоте, в своей слепоте...» Мысль ускользала. Он никак не мог закончить фразу, потому что мысль ускользала с обрезком банана, который неумолимо съезжал с чайной ложки обратно в тягучий соус фруктового салата ассорти:

«Мы тут недавно с Маргой перечитывали старика Олдоса Хаксли. Его пацифистскую книгу „Слепой в Газе“ не читали? Это не про палестинцев, хотя Газа та же, географически, я имею в виду, — стал он разъяснять специально для этого мужлана Константина. — Название взято у Мильтона, из поэмы о Самсоне, знаете, библейском герое, который, знаете, лишился своих волос и, следовательно, силы из-за слабости к женскому полу. В России ведь запрещена Библия, я поэтому так пространно и объясняю, ведь запрещена, не так ли? И Мильтон тоже?»

Но Константин смотрел куда-то мимо остекленевшим взглядом, как слепой, отравленный газом. Руки его машинально крошили хлеб, и движущиеся пальцы были единственным свидетельством того, что перед вами сидел человек, а не пугало. Птицы, однако, воспринимали его как монумент и налетали на крошки

хищными стайками, ничуть не стесняясь. Впрочем, в этом городе все мы прирученные и выдрессированные, как школьники младших классов. Прямо под носом у Константина нагло расхаживало пернатое существо с красной грудкой и виляющим хвостом: трясогузка? или снегирь? — лениво размышлял Костя. Даже если это и трясогузка, ее русское наименование не соответствовало той птице, которая, перелетев в Россию, называлась бы трясогузкой, а здесь называется черт знает как. Слова соответствовали предметам лишь в переводе этих предметов через границу.

«Мильтон — по-русски значит милиционер, сокращенно», — сказал Костя вслух, но в принципе самому себе: убедиться, что еще не забыл родную речь. И отпустил пальцем хлебный катышек, метаясь в эту самую трясогузку, но попал в блюдо Антони.

«Вот как? Это ничего», — пробормотал, краснея, Антони, стараясь незаметно выловить хлебный катышек из блюда. Он перехватил неподвижный взгляд голубых до наглости глаз Константина. Станный русский: кто он? — варвар, тупой и непримиримый, один из тех, кто растопчет его, Антони, хрупкую римскую цивилизацию Запада, своей конницей? Или же, наоборот, посланник нового Рима, Советской империи, коварный и беззастенчивый, а Антони — античный грек, расслабленный мудростью веков и утонченной культурой, на пуховое ложе которой лезет в сапогах этот легионер из страны скифов? Так или иначе, в этом костистом славянине была сила, а в англичанине Антони была мудрость цивилизации, и этой мудростью он хотел бы оседлать скрытую необузданность новоявленного победителя или быть оседланным этой силой, напитаться ею, слиться с ней в едином объятии, как мудрый грек с могучим римлянином, напоив его нектаром и смягчив его благовонными маслами, в античных банях с массажистами, винами и фруктами.